1

В траве мелькнуло что-то бурое.

«Есть!» – подумал Саня и нагнулся.

Но это был берёзовый лист, а вовсе не красноголовик. Саня разочарованно хрустнул коленками и побрёл дальше. В корзине болтались две сыроежки да полужидкий обабок, густо приправленные осенней трухой.

Паршиво. В начале сентября опята должны быть на каждом втором пне, верно? Целыми семьями! И моря лисичек под ногами. Ну и где всё это?

В густом, как собачья шерсть, березняке тоже ничего не нашлось – как и в осиннике за Михайловским покосом, и мрачном бору ближе к железной дороге. Не было даже поганок. Проболтавшись в лесу ещё с полчаса, Саня вытряхнул из корзины свою жалкую добычу («Всё равно даже супа не сварить») и повернул к Телефонке в надежде найти хотя бы кусок чугунины или обрывок троса. Лишь бы не ложиться снова на голодный желудок.

Телефонкой назывался небольшой, но основательно загаженный холм по дороге в Малую Вильву. В начале девяностых там столкнулись «буханка» и «москвич». Водитель последнего погиб на месте, машины с грехом пополам эвакуировали, но битое стекло, обломки приборной панели, отлетевшее от «Москвича» колесо и прочий автохлам остались на месте. Потом на Телефонке пообедала бригада лесорубов, оставив после себя яичную скорлупу и пустую бутылку, случайно порезавшийся грибник выбросил там окровавленный платок, и пошло-поехало – к двухтысячному году мусор на Телефонку везли целенаправленно.

Саня побродил немного среди обломков фаянса и полиэтиленовой шелухи, но так и не нашёл ничего мало-мальски ценного – разве что мясорубку с отлитым на ней ценником в 4 рубля 76 копеек. Примерно за ту же цену её примут и сегодня, так что пусть и дальше валяется

под лопухом, подумал Саня и поспешил уйти. Ещё не хватало, чтобы его – хорошего, в общем-то, электрика – увидели ползающим на помойке.

Оставалась последняя надежда: найти на останках молочной фермы какой-нибудь богом забытый швеллер, уголок или редуктор. А то и медный кабель. Вот это была бы удача.

Впрочем, Александр был реалистом и потому прекрасно понимал, что найти на развалинах хоть что-нибудь едва ли удастся: ферму, некогда дававшую работу половине женского населения Ольховки, давным-давно разобрали на кирпичи, не говоря уже о металле – уж его-то подчистили в первую очередь.

Глаза у него затуманились. Посёлок всё ближе, мысли – чернее и все вертелись вокруг кулька, в котором рожков осталось на самом донышке. А ведь когда-то мечталось совсем не о сардельках и уж тем более не о железе, да и о пунктах приёма металлов он толком ничего не знал.

Продавленная грунтовка вывела его к поваленному забору. Ферму от посёлка отделяла только полоса леса шириной в триста метров. Запахло дымком. Взгляд Александра приобрёл остроту и осмысленность. Похоже, кто-то решил затопить баню среди недели. Потом, наверное, пивка жахнет. Да под селёдочку… А картошечка будет? Будет.

Саня вздохнул: «Гаси печаль, решай задачи».

Он углубился в недра заваленных бутом коровников и долго бродил там, вглядываясь в бетонно-кирпичное крошево. Однако на ферме не нашлось ничего, кроме дохлого кота, и магнитик, с которым Саня не расставался последние пять месяцев, так и пролежал в кармане, прицепившись к складному ножу – бесполезны и тот и другой.

И Саня пошёл домой. В сознании гремел голос из телевизора, обещая библейские кары:

«…Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие: от всего, что видите здесь, не останется камня на камне, всё будет разрушено. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, нечестивы и недружелюбны… И покажу им знамения на небе и на земле: кровь и огонь, и столпы дыма, и солнце превратится во тьму, а луна – в кровь, и наступит день Господень, великий и страшный, когда не будет ни грибов, ни мотор-редукторов, ни дорогого медного кабеля».

Можно, конечно, попытать счастья в «Ромашке», взять что-нибудь в долг, но он и так уже задолжал три с чем-то тысячи – больше точно не дадут.

Вот и голос того же мнения:

«И стесню я людей, и будут они ходить, как слепые, и будут просить взаймы до понедельника, но никто не даст, и в “Ромашке ” в долг не отоварят, потому что они согрешили против Господа, и размётана будет кровь их, как прах, и плоть их – как помёт».

В этот момент с небес пророчески затрубило, и Саню продрало до печёнок. Он знал, конечно, что это орёт бывший ВЗОДИСМ – Волчанский завод обработки древесины и сборки мебели – и гудок всего-навсего зовёт рабочих на обед, но эффект был велик.

Есть захотелось ещё сильнее. Саня вспомнил, какие вкусные котлеты делают по средам и пятницам в тамошней столовке… Или делали, хрен их теперь разберёт. Саня потерял работу, когда закрылись оба сборочных цеха, – не помогли ни стаж, ни четвёртый разряд. В отделе кадров, кстати, под сокращение не попавшем, сказали, что это не собственник схватил его за шкварник и выкинул на улицу, а невидимая рука рынка – мол, ничего личного, ты ж понимаешь.

Как бы то ни было, завод с тех пор из всей своей по-маяковски звучной аббревиатуры выбросил несколько букв и стал убогим ВЗОДом, превратившись, по сути, в обыкновенную лесопилку, которую ещё и китайцам продали.

Саня вернулся к своим мыслям. Можно сунуться в город на обанкротившийся хлебозавод – вроде бы его ещё не растащили. Другое дело, что идти далековато, да и своих охотников там хватает. Церемониться не станут – огреют ломом по башке и прикроют тельце фанерой.

Голос не унимался:

«В те дни люди будут искать смерти, но не найдут её; пожелают умереть, но смерть убежит от них; кинутся в развалины искать пищевой алюминий, но и тому давно приделали ноги».

Саня перешагнул упавшую берёзу… и замер. Что-то падало с небес. Причём падало с таким, знаете, характерным свистом, от которого мутнеет сознание и хочется только одного – червём зарыться в землю.

Саня выпустил корзину из пальцев, обхватил голову руками и зажмурился. Нечто большое и тяжёлое с треском рухнуло на землю, ободрав ближайшую ель и зацепив рябину.

Крики разлетающихся птиц. Тишина.

Саня подождал немного и открыл глаза.

Еловый ствол блестел как обнажённая кость – половину ветвей снесло вместе с корой. Влажная щепа тянулась к зарослям шиповника. Александр прошёл по ней взглядом и увидел, что из кустов торчит зелёный угол.

Немного помедлив, мужик подошёл поближе и услышал негромкое жужжание какого-то механизма.

«Да что за дела, Господи?» – ошарашено подумал Саня.

Он прищурился, сделал ещё несколько робких шагов вперёд...

И увидел.

Угол оказался частью хвостового оперения здоровенной бомбы. Она вошла в землю наискосок, но не полностью, и на её боковине виднелся кружок с тремя жёлтыми лопастями. Знак радиации.

«Так», – подумал Саня.

Он снял с себя правый сапог, вытряхнул из него нападавший сор и снова надел. Затем сорвал со штанины комок репейника – старый, уже крошится – и посмотрел в небо. Облака обещали долгий, неторопливый дождь. Пахло свежей хвоей. Крохотный паучок спускался с рябины на атомную бомбу.

2

Он старался напустить на себя скучающий вид – пробовал даже искать грибы и насвистывать, – но корзина осталась далеко позади, а ноги не гнулись. Бледный и неестественно прямой, Саня вышел к посёлку, окинул взглядом низенькие крыши и направился к дому. В спину ему дышала атомная бомба.

Его двор давно уже зарос лопухом и одуванчиком, разительно контрастируя с огородом соседей, где и яблоня, и груша, и вишня с иргой... Хомутовы как раз выкапывали картошку. Саня, который мог выкопать разве что своего пса – могилка как раз на бывшей картофельной гряде, хлопнул калиткой и прошёл в дом.

Там он выпил стакан кипячёной воды, сел на старый дедушкин диван и принялся ждать. Как оно будет – быстро или придётся пожариться?

Саня поёжился.

Сначала, само собой, будет вспышка. Потом ударная волна, перед которой ничто не устоит. Учитывая расстояние до эпицентра, на Ольховку обрушится всё сразу – и свет, и жар, и взрывная волна. Мгновенная смерть.

Он просидел так полчаса, а взрыва всё не было.

Хотелось курить.

Саня вернулся в кухню, вытащил из специальной банки несколько старых окурков и принялся вытряхивать из них табак на полоску газетной бумаги. Наконец, он закурил, и мысли, парализованные постоянным ожиданием вспышки, понемногу оживились, забегали.

«Почему бомба ещё не взорвалась? Она же работает. По крайней мере, что-то в ней деловито жужжит, причём ровно, без сбоев. И чья это бомба? Наша? Американская? Чья?»

Саня прищурился.

«Странно. Атомные вроде взрывают в воздухе на порядочной высоте. Всё-таки не сработала?»

Догадка не принесла ему никакого облегчения.

«Новую пришлют, если надо. А может, бомба вполне рабочая, просто замедленного действия, с таймером. Может, это он и жужжит. Но тогда чего ждут те, кто её сбросил? К нам вроде президент не собирался».

Саня прикинул, какие причины могли бы заставить противника сбросить атомную бомбу именно на Ольховку, но не придумал ни одной. Не бомбить же людей за то, что запомоили половину леса и Телефонку. А может, бомбу хотели сбросить на Волчанск, но промахнулись? До него всего-то шесть километров. Но, опять же, что там уничтожать? И так уже ничего не осталось – никаких бомб не понадобилось.

Вопросов было много, но с ответами не ладилось. И главное, что теперь делать?

А вот на этот вопрос был вполне очевидный ответ.

«Позвонить в полицию и рассказать про бомбу. И всё, дальше уже не твои проблемы».

Саня представил, что начнётся, когда обо всём узнают власти: район оцепят, всех эвакуируют куда-нибудь за тысячу километров, до кучи возьмут расписку о неразглашении, и это ещё если бомба не взорвётся. А она, сука, жужжит…

На телефоне у Сани было минус 12 копеек, поэтому он вышел из дома и твёрдо направился к забору. Шёл по-прежнему с аршином внутри, словно спина сопротивлялась всей тяжести навалившейся на него ответственности. И жгла его одна мыслишка: «Надо было сразу всем рассказать, а не рассиживаться…»

Соседи всё ещё барахтались на грядках: пожилой Андрей Ильич и оба его сына-переростка с жёнами. Вдоль их гаража выстроилась целая батарея под горло набитых мешков. Картошка в этом году хорошая – её много и почти вся крупная.

– Всем здрассте, – сказал Александр, и сразу обратился к главе семьи. – Андрей Ильич, одолжи телефон на минуту. Надо в полицию позвонить.

Хомутов-старший прислонил лопату к забору и посмотрел на Саню с неприязнью.

– Чего?

– Полицию надо вызвать. Срочно.

– А что за дела?

– Тут, в общем… Это… В лесу ядерная бомба валяется. На меня чуть не упала.

– Да ты что? – Андрей Ильич округлил глаза. – Большая, наверное?

Саня сжал зубы.

– Немаленькая.

Сыновья-Хомутовы засмеялись, а жёны как-то притихли, с опаской глядя на мужика: псих или нет? Что он задумал?

– Ну, если «немаленькая», то менты скоро сами приедут, – сказал Андрей Ильич. – И военные тоже, так что не беспокойся.

– Если не веришь, пошли со мной, покажу.

– Да не хочу я с тобой по лесам шастать. Денежки-то когда будешь возвращать?

– Обязательно верну, а сейчас мне нужен телефон! Это не шутки. Или сам позвони, если боишься, что я с ним убегу.

– Ага, чтобы меня потом таскали за твои бредни? Вали-ка ты обратно в свой барак.

– Из-за тебя все в округе сгорят к чёртовой матери! И здесь, и в городе!

– Ты уже и мощность рассчитал? – улыбнулся Хомутов.

Саня махнул рукой и направился к живущей через дорогу Зое Васильевне Петрошкиной – одинокой пенсионерке и бывшей самогонщице. Постучал в дверь.

Тишина.

Саня постучал сильнее, нервно переминаясь с ноги на ногу. В его сознании настойчиво поднимался ядерный гриб, и с каждой упущенной секундой он расцветал всё ярче.

За дверью послышались шаги. Глухой, заспанный голос:

– Кто?

– Сашка.

– Денег нет!

– Я не за деньгами. Мне позвонить нужно!

– Что?

– Позвонить, говорю, нужно. Зоя Васильевна, это срочно.

– Не получится, денег нет.

– Так у вас же стационар!

– Отключили, волки, за два месяца… А что случилось-то?

– Да ядерная бомба в лесу. Лежит. Если вам есть, куда податься, лучше уезжайте подальше прямо сейчас.

Зоя Васильевна усмехнулась:

– Ты, Санька, решил мой дом обнести?

Александр упёрся лбом в дверь и вздохнул:

– Да не нужно мне ваше барахло… В лесу бомба, понимаете? Атомная. Без шуток.

– Грабь кого-нибудь другого. А если будешь барабанить и дальше, я возьму Пашино ружьё. Иди отсюда, неработь.

Времени на споры не было – Саня чувствовал это каждой клеткой своего существа, поэтому он молча развернулся и двинул дальше по улице.

С каждым его шагом сопротивление только возрастало. Со всех сторон звенели цепи – хозяева отпускали собак. Похоже, Хомутов всё-таки позвонил, и явно не в полицию. Саня даже понял примерно, что он говорил: «Этот придурок совсем поехал кукушкой – ходит по домам и требует у всех телефон. Предлог идиотский. Лучше сидите дома от греха подальше».

Спору нет, про бомбу он ляпнул напрасно. Надо было соврать что-нибудь про кражу или пожар в бывшей котельной – да про что угодно.

Александр остановился. Надо решить, что делать дальше.

В метре от него злющий парамоновский Пират надсадно лаял, поставив на ограду передние лапы.

Перед глазами возник образ Промокашки: «Собака лаяла… На дядю-фраера…»

– Хочешь перегрызть мне горло? – спросил Саня и чуть наклонился вперёд, к мокрой клацающей пасти. Ему вдруг стало весело. Какая-то удивительная метаморфоза происходила с ним в эти минуты: несмотря на ощущение абсолютной опасности, нависшей, без преувеличения, над целым краем, у него словно камень с души упал – он как будто стал собраннее, энергичнее, злее. Наконец-то жизнь приобрела отчётливый смысл. Появилась цель.

Саня понял, что есть только один способ убедить всех в существовании бомбы: её нужно приволочь в посёлок.

3

В дверь постучали. Серёга положил паяльник на подставку, вышел в сени и открыл. На пороге стоял Саня. Сразу было видно, что настроен он решительно. Особенно Серёгу удивили его глаза: они уже не бегали по углам, как раньше, а смотрели в душу, прямо и твёрдо.

Саня даже не поздоровался:

– Деньги на телефоне есть?

– У меня и телефона-то нет. С тобой же сдавали. Забыл уже?

– А, ладно, – махнул рукой Саня. – Давай тогда свою тачку. Только быстро.

– За каким хреном?

– Долго рассказывать. Если хочешь посмотреть сам, пошли со мной.

Серёга дёрнул щекой, молча прошёл мимо Сани и спустился с расшатанного крыльца. Саня пошёл следом.

– А что это канифолью прёт? – спросил он.

– «Таурус» паяю, – ответил Серёга, направляясь к сараю. – Может, получится загнать кому-нибудь. Антиквариат всё-таки. Ты, случаем, на Телефонке вчера-сегодня не был?

– Да нет, а что? – соврал Саня, но щёки под рыжеватой щетиной слегка покраснели.

– Может, кинескоп какой видел… Родной не фурычит.

– А ты в курсе, что сейчас везде уже цифра? Никому твой телек не понадобится.

– Дурак ты. Антикварными вещами и так никто не пользуется. Главное, чтобы в принципе работал.

Они вошли в сарай. На балке под потолком висела задубевшая коровья шкура, а в углу стояли баллоны с пропаном и кислородом. Газовый резак лежал на монструозной трёхколёсной тачке. Серёга соорудил её из четырёх тяжеленных решёток, сваренных, в свою очередь, из арматурин. А колёса раньше стояли на мотоблоке.

– Куда пойдём-то? – спросил он.

– В лес. Это минут десять ходу. И верёвку найди, пригодится.

Пять минут спустя Ольховку накрыл лязгающий грохот: понимая, что тащить такого динозавра через поле совсем не вариант, напарники решили сделать крюк по объездной дороге. Иногда через гром и дряз-

ги пробивалось бурчание Серёгиного живота. Держался он, впрочем, с достоинством – с вопросами не лез и вообще делал вид, что всё это ему не очень интересно.

Когда они съехали с дороги и покатили в лес, тачка, и без того не подарок, окончательно превратилась в орудие пыток. Проклятая то и дело застревала своим широченным тазом между двух осин, вязла в подлеске, толкалась и буксовала, брыкалась на каждой кочке и в каждой впадине, била по ногам, обдирала кожу. Мужики возились с ней, как грешники в аду.

– Как ты ещё баллоны свои не продал, антиквар? – спросил Саня, с трудом переводя дыхание. – Жрать-то, поди, тоже нечего?

– Держусь пока. Ладно ещё, если б с газом были – там уже на донышке.

– Слушай, у тебя сигареты есть?

– Три штуки осталось.

– Угостишь?

– А мы долго ещё корячиться будем?

– Да уже всё. Вон она.

– Кто «она»?

Серёга посмотрел туда же, куда и Саня.

Из шиповника торчала бомба. По ней ползали сонные муравьи.

– Ого.

Безо всякого намёка на страх Серёга подошёл к бомбе, хозяйски осмотрел её и постучал кулаком по корпусу.

– Атомная?

Саня кивнул и прошёлся пальцем по хвостовому оперению. Несмотря на зябкие тринадцать градусов и налетающий ветер, бомба была тёплой.

Серёга вытащил из кармана мятую пачку, сунул в рот сигарету и протянул одну Сане.

– И что ты собираешься с нею делать? – спросил он.

– Выкурю.

– Я про бомбу.

– Думаю в посёлок отвезти, – ответил Саня, подставляя сигарету под огонёк. – А то ведь не верят, собаки. Так хоть полицию вызовут.

– Тоже вариант, – кивнул Серёга.

– «Тоже»? А ты что предлагаешь?

– Да ничего пока. Смотри-ка, жужжит. Рабочая.

Он любовно погладил бомбу, а Саня нахмурился.

«Приехали, – подумал он. – Кажись, ревную её к чужим рукам».

– Тебе, кстати, деньги-то не вернули? – спросил Серёга.

– Не-а, – Саня стряхнул пепел.

Речь шла о весенней вахте на газопроводе, где Саня оттрубил три месяца стропальщиком и разнорабочим. Его там попросту кинули – ни обещанной униформы, ни зарплаты.

– А есть-то хочется, – сказал Серёга, взглянул на знак радиации и вздохнул.

– Ты всё-таки на что-то намекаешь. Продать её, что ли, вздумал?

Саня аж рассмеялся. Барыжить атомной бомбой там, где самая крупная сделка – урвать колесо от КамАЗа по цене велосипедного? Это сильно.

– А за сколько бы ты её продал? – поинтересовался он.

– Это смотря кому.

– Ну, допустим, военным ты её просто так отдашь, за спасибо. А потом ещё посидишь немного. Но там хотя бы кормят. А вот Семёнову, например?

– Ему?

Серёга, у которого с фантазией было туговато, бухнул банальное:

– Миллион.

– Да он её на выстрел к себе не подпустит. Это же срок.

– Тогда не знаю.

– Короче, давай грузить. А то рванёт, пока мы тут языками чешем.

Саня дважды пропустил верёвку через лопасти оперения, дал один конец Серёге и взялся сам. Пятки упёрлись в хвойный ковёр и начали погружаться в почву – бомба шла с большой натугой. Саня прикусил губу. Верёвка больно впилась в ладони.

– Бомба, – сказал он. – Я тебя очень люблю и уважаю. Но я увезу тебя в посёлок прежде, чем настанет вечер.

– Чего ты там бормочешь? – не понял Серёга.

– Да так… «Старик и море».

– Тяжёлая, зараза, – пропыхтел Серёга. – Сколько в ней, интересно?

– Килотонн двести.

Они едва не сорвали себе спины, но с помощью берёзы и самых крепких слов уложили-таки бомбу в тачку.

– Ну, ещё перекур и двинем.

И они закурили на двоих последнюю сигарету.

4

День уже клонился к вечеру, когда мужики вернулись в посёлок – грязные, измочаленные, смертельно уставшие. Животы к спине прилипли.

– Куда первым делом? – спросил Серёга.

– Хорошо бы к Хомутовым, но сил уже нет. Давай вон к Петрову.

– Давай.

Мужики вошли в небольшой аккуратный дворик с выложенной из плитняка дорожкой и постучали к Петрову. Тот открыл и вопросительно поднял брови.

– Сеня, дай нам телефон и что-нибудь поесть.

Семён Иванович несколько опешил от такой наглости.

– С какой это радости?

– А вон с какой, – Саня показал на тачку.

– И что это там?

– Глаза-то разуй. Бомба. Атомная. Надо полицию звать.

– Атомная?

– Вполне, – ответил Серёга.

– Чем докажете? Я такую же могу слепить, если неделю голодом посижу.

– Так иди и посмотри. Можешь даже облапать, если хочется. Настоящая.

Петров сделал было шаг на улицу, но сразу передумал: перед ним стояли два грязных мужика, готовых, судя по виду, на что угодно, а дома жена и неплохой холодильник.

– Лучше бы вам, парни, зайти к кому-нибудь другому.

– Да ты издеваешься, дед. Она же в любую секунду рва...

Дверь захлопнулась перед самым носом.

– Это уже не смешно, – сказал Саня. – Что-то мне подсказывает, зря мы горбатились.

– Погоди, – остановил его Серёга. – Нам же полиция нужна, так?

– Ну.

– Будет.

Серёга поднял с обочины камень и швырнул его Петровым в окно. Оно лопнуло с оглушительным звоном. Заголосили собаки.

– Вы чего творите, скоты? – заорал Семён Иванович из проёма.

Серёга облокотился о бомбу.

– Вызывай полицию, старый баран. Просили же.

– Щас вызову, твари.

Саня обеспокоенно взглянул на товарища. Тот ухмылялся.

– Не боись. Если сдадим бомбу, нам всё простят и даже нагр…

Серёга не договорил: он вдруг перестал улыбаться, и глаза его распахнулись.

– ЛОЖИСЬ!

Саня упал, и как раз вовремя – раздался выстрел. Что-то звонко чиркнуло совсем рядом.

Тут же прозвучал второй выстрел, и бомба дёрнулась. Серёга знал, что у Петрова двустволка и на перезарядку уйдёт какое-то время, поэтому вскочил на ноги. Усталость как рукой сняло.

– Ты в своём уме, придурок?! По атомной бомбе стрелять?!

– По вам не попал, – донеслось из разбитого окна. – Но сейчас, гады, получите…

– Двигаем, – коротко приказал Серёга и первым нажал на телегу. – Быстрее, блин, пока этот дятел в спину не засадил.

Саня, едва не раскроивший лоб о щебёнку, встал рядом и тоже поднажал. Сообща они сдвинули тачку с места и пошли вдоль дороги, прикрываясь бомбой, как вагонеткой – мало ли, дед снова начнёт стрелять.

– У кого тут нет ружья? – спросил Саня. – Мне уже второй раз за день угрожают.

– Да чёрт его знает. Жрать охота… Может, к Боговой заглянем?

– Ружья у неё, может, и не будет, но вилы найдутся. Вилы, а не борщ.

– Ну, денег попросим. Нам поесть надо, на святое дело идём. Она женщина слабая и набожная, а у нас атомная бомба.

План Серёги был настолько прост, что свободно бы уложился в одну-единственную газетную строчку: «Угрожая атомной бомбой, злоумышленник похитил у потерпевшей серёжки, обручальное кольцо и денежные средства на сумму 670 рублей».

– На грабёж не пойду, – заявил Саня.

– Смотри-ка, это не Володька чешет?

Саня прищурился. Впереди шла ещё одна фигура с тачкой – только в ней, судя по всему, бугрилась картошка.

– Вроде он.

– Эй, Вова! Погоди! Шевели булками, Саня.

– Вам чего? – спросил Володя и с недоверием посмотрел на Александра, про которого в посёлке уже несколько часов ходили странные слухи.

– Ты жить хочешь? – спросил Серёга.

– Нет.

Ответ сразил Серёгу наповал.

– Почему?

– Какая тебе разница?

– Он с женой разошёлся, – пробормотал Саня.

Серёга кивнул.

– Дай-ка на минуту свой телефон, а не то я взорву бомбу, – неуверенно приказал он. – Ядерную. Вот она, полюбуйся.

– Взрывай, – спокойно ответил Владимир.

– И взорву.

– Взрывай.

– Не веришь, что ли?

– Верю. Давай.

Серёга поднял с земли булыжник («Кажется, сегодня мы перещупаем все камни в деревне», – с горечью подумал Саня) и ударил им по бомбе. Она звякнула. Серёга игранул желваками и снова ударил.

Володя ждал.

Серёга нанёс очередной удар. В темнеющем воздухе сверкнула и погасла крохотная искра. Тогда мужик зарычал и принялся дубасить бомбу безостановочно.

– Да хорош уже, пойдём, – Саня попытался оттащить друга от неё, но тот отбил его руку в сторону – совсем остервенел.

Володя спокойно смотрел на это представление и жевал травинку.

– Что-то не взрывается, – отметил он. – Бракованная, наверное. Вы её в костёр бросьте, парни. Как шифер.

И добавил:

– Если нужен телефон, так бы и попросили. Безо всей этой клоунады.

С этими словами он протянул героям свой старый кнопочник, и Саня от неожиданности онемел.

– Ну чего встал, – сказал Серёга, дуя на распухшие пальцы. – Набирай давай.

Саня набрал 02 и нажал вызов.

– Неправильно набран номер, – сообщил женский голос.

– Чёрт. Как им с сотового звонить?

– Не знаю, – ответил Серёга. – Вов, ты не в курсе?

– Нет. Даже как-то не задумывался. А бомба настоящая, что ли?

– Да нет, конечно! Что ты? Кукла. Год собирали, потом шлифовали месяц – только чтобы тебя разыграть.

– Если настоящая, что ж ты лупил по ней со всей дури? А если взорвётся?

– Ой, лучше заткнись, гений, – глаза Серёги сузились. – У нас и так был тяжёлый день.

– Оно и видно. Это из-за вас была стрельба только что?

– Да, – ответил Саня. – Как набрать-то, ёлки зелёные?

– Попробуй, не знаю, 002, – посоветовал Серёга.

Тык-тык-тык-тык.

– Набранный вами номер не существует, – ответил женский голос.

– Пробуй другие варианты, – нетерпеливо сказал Серёга. – Вова, у тебя пожрать ничего нету? Ноги подкашиваются.

– Картошка вот. Могу дать ведёрко. Просто так.

– Спасибо. Слушай, если есть, куда уехать, лучше езжай. Сам понимаешь – хрен его знает, чем тут всё кончится.

– Неправильно набран номер, – донеслось со стороны Сани.

– Да мне особо некуда ехать. К Катьке я точно не вернусь.

– Ну, смотри сам. У тебя мотоцикл не на ходу?

– Да какой там… – Вова махнул рукой.

– Ладно.

Тут подошёл Саня и молча протянул Володе телефон.

– Что такое? – спросил Серёга.

– Сдох, – ответил Саня, и вся усталость этого невыносимо долгого абсурдного дня навалилась на него с утроенной силой. Но хуже всего было ощущение бессилия – примерно как во сне, когда пытаешься догнать своё счастье, и не можешь.

– Приплыли, – сказал Серёга. – Всё, короче. Хватит. Пошли хоть картошку сварим.

5

Они дотолкали бомбу до Серёгиного дома, сварили картошку, наскоро поели, а потом Саня ушёл к себе и проспал до трёх часов дня.

Пробуждение было тяжёлым – болело всё тело. За окном накрапывал дождь. Всё как обычно: соседи рассыпались по огородам, коровы мычали, Пират облаивал обнаглевшую ворону.

«Надо же, мир ещё на месте», – подумал Александр, натянул сапоги и пошёл к Серёге.

Полицейских не было. Саня усмехнулся – подумал, что Петров тоже не смог набрать номер правильно.

Через минуту он поднялся на Серёгино крыльцо и уже хотел постучать, как услышал за домом характерные звуки: это работала газовая горелка. Почуяв недоброе, Саня метнулся к сараю – дверь была открыта, – ворвался внутрь и замер. Сердце обрушилось куда-то в кишки.

Она по-прежнему покоилась в телеге, внушительно-большая и тяжёлая, вот только часть её круглого зелёного корпуса теперь лежала возле колёс, и над распахнутым медно-серебристым нутром склонился Серёга – в одной руке он держал резак, а свободной вытягивал из бомбы провода. Рукава его куртки были измазаны каким-то белым порошком.

– Отойди от неё, идиот, – прошептал Саня. У него закружилась голова.

Серёга повернулся к нему и приподнял сварочную маску. Лицо было покрыто загаром, которого не было ещё вчера, а правый глаз кровоточил.

– Чего? – спросил он. Голос был, как у пьяного.

– Отойди от неё, — повторил Саня и вдруг осознал, что бомба уже не жужжит.

– Ментов ещё нету? Если нагрянут, мы её пытаемся разминировать. Ферштейн?

– Ты умираешь.

– Плутоний, или что там внутри, я особо не трогал, его нам всё равно не сбагрить, но вот это… – Серёга кивнул на отрезок обшивки. – Это дюралька, 75 рублей кило. И проводов чёрт-те сколько. Так что сегодня пи… пируем…

Он чихнул, и в воздухе повисло облачко красного тумана.

– Лучше б ты и дальше паял свой «Таурус», – проворчал Саня, устало бухнулся на чурбак и прошёлся пятернёй по волосам. Они посыпались, как осенние листья.